

Рене Генон

Аль-Маарифа

Перевод с французского

Оригинал: René Guénon. El-Ma'rifah (год издания: 1931).

Редакция перевода от 05.10.2026.

Переведено глав: 2 из 3. Непереведённые главы заменены ссылкой на французский текст на сайте.

Текст на сайте с параллельным французским оригиналом:

https://guenon.ru/1931_EM.html

Электронное издание. Минский корпус Рене Генона

Файл сформирован 13.10.2026.

Содержание

«Познай самого себя»	5
Влияние исламской цивилизации на Запад	15
«Блуждающие влияния»	23

«Познай самого себя»¹

Привычно цитируя фразу: «Познай самого себя», часто упускают из виду её точный смысл. Для иллюстрации путаницы, царящей вокруг этих слов, можно задать себе два вопроса: первый касается происхождения этого выражения, второй — его действительного значения и смысла его существования. Некоторые читатели могут подумать, что эти два вопроса всецело различны и не имеют между собой никакой связи. Однако, после внимательного исследования и размышления станет ясно, что они пребывают в тесной взаимосвязи.

Если спросить у изучивших греческую философию, кто первым произнес эти мудрые слова, большинство из них, не колеблясь, ответит, что автором этой максимы является Сократ, хотя другие настойчиво приписывают её авторство Платону, а иные — Пифагору. Эти противоречивые мнения, эти расхождения во взглядах позволяют нам заключить, что ни один из этих философов не является автором этой фразы, и её источник следует искать в другом месте.

Мы считаем правомерным сформулировать такое мнение, которое покажется читателю справедливым, когда он узнает, что двое из этих философов: Пифагор и Сократ, — не оставили письменного наследия.

Что же до Платона, то никакая философская компетентность не поможет отделить сказанное им самим от сказанного Сократом, его учителем. Основная часть доктрины последнего знакома нам лишь в передаче Платона, а с другой

¹ Статья переведена с арабского. Оригинальное издание — в журнале «Аль-Марифа», № 1, май 1931 г. Позже статья была опубликована в книге «Собрание работ (Mélanges)» (1976) как глава 6. Кроме того, статья была перепечатана в журнале «Исследования Традиции» в номере за март 1951.

стороны, известно, что именно в учении Пифагора Платон почерпнул определённые знания, которые он явил затем в своих диалогах. Тем самым, мы видим, как крайне трудно разграничить то, что привнесено от каждого из трёх философов. То, автором чего признаётся Платон, часто приписывается и Сократу, а некоторые среди рассматриваемых идей древнее их обоих и исходят из школы Пифагора или от самого Пифагора.

На самом деле, происхождение исследуемого выражения восходит к более глубокой древности, чем названные здесь философы. Более того, оно древнее, чем история философии и поэтому выходит из её области.

Говорят, что эти слова были начертаны над входом Аполлона в Дельфах. Позднее они были восприняты Сократом и другими философами в качестве одного из принципов их учения, несмотря на различия, которые могут существовать между этими различными учениями и целями, преследуемыми их авторами. Вероятно, впрочем, что Пифагор также использовал это выражение задолго до Сократа. Этим философы намеревались показать, что их учение есть не сугубо их персональное творение, но оно исходит из более древней исходной точки, точки зрения более возвышенной, соединяющейся с самим источником первоначального, спонтанного и божественного вдохновения.

Мы констатируем, что в подобном намерении эти философы весьма отличались от философов современных, которые прилагают все свои усилия для выражения чего-нибудь нового, чтобы выдать это за продукт собственного мышления и выставить себя как единственных авторов своих мнений, как если бы истина могла быть собственностью человека.

Сейчас мы собираемся рассмотреть то, почему древние философы желали связать свои учения с этим или ему подобным выражением, и почему мы можем сказать, что эта максима принадлежит к высшему по отношению ко всей философии порядку.

Чтобы ответить на вторую часть этого вопроса, мы скажем, что ответ содержится в исходном, этимологическом смысле слова «философия», которое, говорят, впервые было использовано Пифагором. Слово «философия» выражает факт любви к σοφία, стремление к ней или же намерение, необходимое для её приобретения.

Это слово всегда использовалось для обозначения подготовки к этому овладению мудростью, и, в особенности, для обозначения знаний, которые могли помочь φιλόσοφος, или тому, кто испытывал к ней некоторую склонность, стать σοφός, то есть мудрым.

Итак, любовь к мудрости не может составлять саму мудрость, как средство не может быть принято за цель. И из того факта, что мудрость «в себе» идентична истинному внутреннему знанию, можно заключить, что знание философское есть не что иное, как знание внешнее и неполное. Следовательно, оно не имеет в самом себе подлинной собственной ценности и составляет лишь первую ступень на пути высшего и истинного знания, каковым является мудрость.

От тех, кто изучил древних философов, хорошо известно, что они имели два вида учения: один — экзотерический, а другой — эзотерический. Всё, что было записано, принадлежало единственно к первому виду. Что до второго, то мы не можем точно знать его природу, потому что, с одной стороны, оно предназначалось для немногих, а с другой стороны — имело тайный характер. Эти два качества не имели бы никакого разумного основания, не будь здесь чего-то превосходящего простую философию.

Можно думать, по меньшей мере, что это эзотерическое учение находилось в прямой и тесной связи с мудростью и взывало не только к разуму или логике, как это происходит в случае философии, которая поэтому и названа знанием рациональным. Античные философы допускали, что рациональное знание, то есть философия, не является высшей ступенью знания, то есть мудростью.

Возможно ли, чтобы мудрость была преподана посредством слов или книг, как преподается внешнее знание? Это действительно невозможно, и мы увидим тому причину. Но уже сейчас мы можем утверждать, что философская подготовка не была достаточной, даже как подготовка, поскольку затрагивала лишь ограниченную способность, каковой является разум, тогда как мудрость имеет отношение к реальности всего существа.

Итак, помимо философии существует более возвышенная подготовка к мудрости, которая адресуется уже не к разуму, но к душе и духу, и которую мы могли бы назвать внутренней подготовкой; она, кажется, была свойственна высшим ступеням школы Пифагора. Она простерла своё влияние через школу Платона вплоть до неоплатонизма Александрийской школы, где вновь отчётливо проявилась, равно как и у неопифагорейцев той же эпохи.

Если для этой внутренней подготовки всё ещё использовали слова, то они не могли рассматриваться иначе, чем символы, призванные фиксировать внутреннее созерцание. Этой подготовкой человек приводился к определённым состояниям, позволявшим ему преодолеть рациональное знание, которого он достиг ранее, а так как они выше уровня разума, они так же выше и философии, поскольку имя философии всегда применялось для описания чего-то, принадлежащего сугубо рациональному.

Однако, удивительно, что современники рассматривают философию так, как если бы она была самодостаточной, забывая при этом, что существует более первичное и высокое.

Эзотерическое учение было известно в странах Востока, откуда оно распространилось в Грецию, где получило наименование «мистерий». Первые философы, особенно Пифагор, применили его к своему учению, просто как новое выражение для древних идей. Существовало множество видов мистерий, имевших различное происхождение. Те из них, что вдохновляли Пифагора и Платона, были связаны с культом Аполлона. «Мистерии» всегда носили скрытый, тайный

характер — само слово мистерия этимологически означает полное молчание; то, с чем они связаны, не может быть выражено словами и может преподаваться лишь безмолвным путём. Но современники, игнорируя любой другой метод обучения, отличный от метода, предполагающего использование слов, и который мы можем назвать методом экзотерического обучения, ошибочно полагают, что в мистериях не было никакого обучения.

Мы можем утверждать, что это безмолвное учение использовало фигуры, символы и другие имеющиеся средства с целью приведения человека во внутренние состояния, позволявшие ему последовательно достигать реального знания или мудрости. Именно в этом состояла основная и финальная цель всех «мистерий» и подобных им явлений, которые можно найти в иных местах.

Что до «мистерий», особо связанных с культом Аполлона и с самим Аполлоном, то стоит вспомнить, что он был богом солнца и света, являющегося в духовном смысле фонтанирующим источником всякого знания, из коего проистекают все науки и искусства.

Сказано, что ритуалы Аполлона пришли с севера, и это соотносится с очень древней традицией, которая обнаруживается в таких священных книгах как индусские Веда и древнеперсидская Авеста. Северное происхождение особо подтверждалось для Дельф, которые почитались за универсальный духовный центр, и где в храме имелся некий камень, называемый ὀμφαλός, символизировавший центр мира.

Считают, что история Пифагора, да и само имя Пифагора имеют чёткую связь с ритуалами Аполлона. Последний именовался Πύθιος, и сказано, что изначальное имя Дельф было Πύθο. Женщина, которая обретала в храме вдохновение Богов, именовалась Пифия. Имя Пифагора, следовательно, означает проводника Пифии, что применимо к самому Аполлону. Рассказывают также, что это именно Пифия объявила Сократа мудрейшим из людей. Поэтому, кажется, что

и Сократ имел связь с духовным центром Дельф, как и сам Пифагор.

Добавим, что если все науки приписывались Аполлону, то в особенности это подчёркивалось для геометрии и медицины. В пифагорейской школе геометрия и все отрасли математики стояли на первом месте в подготовке к высшему знанию. По отношению к высшему знанию эти науки не отходили в сторону, но, напротив, продолжали использоваться как символы духовной истины. Платон также рассматривал геометрию, как необходимую подготовку к совсем иному учению и велел написать на двери своей школы такие слова: «Никто не входит сюда, если не геометр». Смысл этих слов станет понятным, если сопоставить их с другой формулировкой самого Платона: «Бог всегда занимается геометрией», и если мы ещё добавим, что, говоря о Боге-геометре, Платон делал намёк на Аполлона.

Не стоит поэтому удивляться, что философы Античности использовали начертанную на входе в дельфийский храм фразу, поскольку мы знаем теперь о связях, соединявших их с ритуалами и символизмом Аполлона.

После всего сказанного, мы легко поймём истинный смысл изучаемой здесь фразы и ошибку современников на этот счёт. Эта ошибка происходит из того, что они рассмотрели эту фразу как простое изречение философа, которому они всегда приписывают образ мысли, сопоставимый с собственным. Но в реальности, мышление древнее глубоко отличалось от мышления современного. Так, многие приписывают этой фразе психологический смысл, но то, что называют психологией, состоит лишь в изучении психических явлений, которые есть только внешние модификации, а не суть существа.

Другие, особенно те, кто приписывают эту фразу Сократу, видят в ней моральную цель, поиск закона, приложимого к практической жизни. Все эти внешние интерпретации, не являясь всецело ошибочными, не подтверждают священного характера фразы, который она имела изначально, и кото-

рый придает ей намного более глубокий смысл, чем тот, что ей желали бы приписать. Она означает, прежде всего, что никакое экзотерическое учение не способно дать истинного знания, каковое человек должен найти только в самом себе, поскольку, действительно, всякое знание не может быть приобретено иначе, чем через индивидуальное понимание.

Без этого понимания никакое учение не может увенчаться действенным результатом, и учение, которое не будит персонального отклика у того, кто его получает, не может доставлять никакого знания. Вот почему Платон говорит, что «всё, что человек изучает, уже есть в нём». Весь опыт, все внешние проявления, окружающие человека, призваны лишь помочь ему осознать то, что он имеет в самом себе. Это пробуждение Платон называет ἀνάμνησις, что означает «припоминание».

Если это верно для всякого знания, то ещё характернее это для знания более высокого и глубокого; когда человек продвигается к этому знанию, то все внешние, осязаемые средства становятся всё более и более недостаточными, вплоть до момента когда они уже бесполезны. Если в какой-то степени они могут помочь приблизиться к мудрости, то помочь в реальном овладении ею они бессильны. В Индии обычно говорят, что истинный *guru* или учитель находится вовсе не во внешнем мире, а в самом человеке, хотя внешняя помощь и может быть полезна вначале, для подготовки человека к самостоятельному поиску в себе того, чего он не может найти в ином месте, и в особенности того, что лежит выше уровня рационального знания. Чтобы достичь этого, следует реализовать определённые состояния, всегда уходящие вглубь существа к его центру, символизируемому сердцем, и куда должно быть перемещено сознание человека, дабы сделать его способным достичь истинного знания. Эти состояния, которые реализовывались в древних мистериях, были ступенями на пути этого переноса разума в сердце.

Мы сказали, что в храме Дельф был камень, называемый ὀμφαλός, представлявший центр человеческого существа так

же хорошо, как и центр мира, согласно тому соответствию, которое существует между макрокосмом и микрокосмом, то есть человеком, когда всё, что есть в одном, находится в прямой связи с тем, что есть в другом. Авиценна сказал: «ты полагаешь себя ничтожным, а в тебе пребывает мир».

Любопытно отметить распространенную в Античности веру в то, что ὄμφαλός упал с неба, и мы можем довольно точно представить себе чувство греков по отношению к этому камню, если отметим его схожесть с чувством, которое мы испытываем по отношению к священному чёрному камню *Kabalah*.

Подобие, существующее между макрокосмом и микрокосмом, означает, что каждый из них есть образ иного, а соответствие составляющих их элементов показывает, что человек должен сначала познать самого себя, чтобы познать затем все остальное, так как, на самом деле, он может найти всё сущее внутри себя. Именно по этой причине определённые науки (особенно те, которые составляют часть древнего знания, и которые почти полностью игнорируемы нашими современниками) обладают двойным смыслом. С внешней стороны, эти науки соотнесены с макрокосмом и могут совершенно справедливо рассматриваться с этой точки зрения. Но в то же время, они имеют более глубокий смысл, который соотносится с самим человеком и внутренним путём, которым он может реализовать в себе знание, что означает реализацию его существа. Аристотель сказал: «человек, есть всё, что он знает», в том смысле, что там, где есть истинное знание (не его видимость или тень) знание и человек есть одно и то же.

Согласно Платону, тень [тень знания — прим. ред.] есть чувственное знание и даже знание рациональное, которое даже будучи выше, имеет свой источник в чувствах. Что до истинного знания, то оно выше уровня разума; его реализация, или же реализация самого существа, согласно соответствию, о котором мы сказали выше, подобна формированию мира.

Вот почему определённые науки могут описывать реализацию под видимостью этого формирования; этот двойной смысл был включен в древние мистерии, как встречается он и среди народов востока во всех видах учений, преследующих ту же цель.

Похоже, что это учение существовало также и на Западе на протяжении всех Средних веков, хотя сегодня оно совершенно исчезло, да так, что большинство людей Запада не имеют никакого понятия о его природе или даже о его существовании.

Из всего вышесказанного мы видим, что истинное знание имеет в качестве средства не разум, но дух и всё существо, так как оно и есть реализация этого существа во всех его состояниях, что является завершением познания и обретением высшей мудрости. На самом деле, то, что принадлежит душе или даже духу, представляет собой только ступени на пути к сокровенной сущности — истинному я, которая может быть найдена лишь тогда, когда существо достигло собственного центра, объединив и сконцентрировав все свои способности, словно в одной точке, в которой ему явлены все вещи, заключенные в этой точке как в своём изначальном и уникальном принципе. Таким образом, можно познать все вещи в самом себе и из самого себя, как всеобщность существования в единстве собственной сущности.

Легко увидеть, насколько это далеко от психологии в современном значении слова и насколько дальше уходит за самое истинное и глубочайшее знание души, которое может быть лишь первым шагом на этом пути. Важно отметить, что значение слова *nafs* не должно сводиться здесь к душе, ведь это слово появляется в арабском переводе рассматриваемой фразы, тогда как его греческий эквивалент $\psi\chi\acute{\eta}$ в оригинале не фигурирует. Таким образом, не следует приписывать этому слову его обычный смысл, так как, несомненно, оно обладает иным, гораздо более высоким смыслом, которое уподобляет его слову сущность и связывает с «высшим я» или с реальным существом; доказательство тому мы име-

ем в сказанном в хадисе, дополняющем греческую фразу: «Кто познал себя, тот познал Господа».

Когда человек познал себя в своей глубокой сущности, другими словами, в центре своего существа, тогда он познал своего Господа. А зная своего Господа, он в то же время знает все вещи, которые исходят из Него и в Него возвращаются. Он знает все вещи в высшем единстве божественного Принципа, вне которого согласно словам Мухйиддина ибн Араби: «Нет абсолютно ничего, что существует», так как ничто не может быть вне бесконечности.

Абд аль-Вахид Яхья

Влияние исламской цивилизации на Запад²

Большинство европейцев не оценили важность вклада, который они получили от исламской цивилизации, не поняли природы своих заимствований у этой цивилизации в прошлом, и некоторые доходят до тотального непризнания всего того, что с этим связано. Подобное положение дел объясняется тем, что в исторических дисциплинах, в том виде, в каком они преподаются, принято не только произвольно истолковывать факты, но и намеренно искажать их. Эта система образования кичится своим пренебрежительным отношением к исламской цивилизации и старается при каждом удобном случае умалить её заслуги. Курсы истории, читаемые в европейских университетах, ни в коей мере не отражают влияния, о котором идёт речь. Напротив, истины, которые должны быть озвучены в этой связи, когда речь идёт о преподавании или о письме, систематически отодвигаются, в особенности, относящиеся к наиболее важным событиям.

Например, если в основном известно, что Испания оставалась под исламским законодательством в течение многих веков, но никогда не говорится, что это же было и во многих других странах, таких как Сицилия и средиземноморская часть современной Франции. Некоторые предпочитают приписать это молчание историков определённым религиозным предубеждениям. Но что говорить о современных историках, большинство которых существуют вне религии (если не являются её противниками), когда они доходят до

² Журнал «Исследования Традиции», XII, 1950, стр. 337-344. Статья, переведённая с арабского, появилась в журнале «аль-Ма'рифа». Позже статья была опубликована в книге «Заметки об исламском эзотеризме и даосизме» (1973) как глава VIII.

утверждения, что их предшественники утверждали противоположное истине?

Причины всего этого следует искать в гордыне и самомнении европейцев, мешающих им осознать всю важность вклада, полученного с Востока.

Самое странное в этом случае это видеть европейцев, считающих себя прямыми наследниками эллинской цивилизации, тогда как истина фактов опровергает эту претензию. Реальность, извлекаемая из самой истории, решительно доказывает, что греческие наука и философия были переданы европейцам через мусульманских посредников. Иными словами, интеллектуальное достояние эллинов достигло Запада, будучи предварительно серьёзно изучено Ближним Востоком, и если бы не ученые ислама и его философы, европейцы ещё долго пребывали бы в полном незнании этого наследия, а может быть так никогда и не познакомились бы с ним.

Следует заметить, что мы здесь говорим о влиянии исламской цивилизации в целом, а не только арабской, как иногда неправильно говорят. Поскольку большинство из тех, кто осуществлял это влияние на Западе, вовсе не принадлежали к арабской расе, и если они и употребляли арабский язык, то это было только следствием принятия исламской религии.

Поскольку мы упомянули об арабском языке, приведём ещё одно доказательство распространения мусульманского влияния на Западе: оно заключается в куда более широком, чем принято считать, заимствовании арабских терминов и корней, которые вошли почти во все европейские языки и используются вплоть до теперешнего дня, хотя большинство европейцев и не подозревают об их истинном происхождении. А так как слова есть не что иное, как транспорт для идей и средство выражения мысли, нетрудно понять, что этот факт свидетельствует о передаче самих исламских идей и понятий.

Обширное влияние исламской цивилизации явственно ощущалось во всех областях жизни, в науке, в искусствах, философии и т. д. Испания тогда была очень важным местом в этом отношении и главным центром распространения этой цивилизации. Мы не намереваемся здесь трактовать в деталях каждый из этих аспектов или определять пространство распространения исламской цивилизации, но только указать на некоторые факты, которые мы рассматриваем как особенно важные, хотя в наше время немногие признают их важность.

Возьмем проблему наук — как естественных, так и математических. Можно с уверенностью сказать, что некоторые из естественных отраслей знания были в полном объеме заимствованы Европой у исламской цивилизации. Химия, например, до сих пор сохранила своё арабское наименование, восходящее, как известно, к древнему Египту, несмотря на то, что первоначальный и углубленный смысл этой науки стал совершенно недоступен нашим современникам и, можно сказать, навсегда утрачен для них. Возьмем другой пример, из астрономии, технические слова, которые там используются во всех европейских современных языках тоже бы ли в своем большинстве арабского происхождения; имена многих небесных тел не перестают быть арабскими именами, используемыми как таковые астрономами все стран. Причина этого в том, что работы греческих астрономов античности, таких как Птолемей Александрийский, стали известны через арабские переводы, а также через работы их мусульманских продолжателей. Легко было бы показать в целом, что большинство географических познаний, относящихся к наиболее удалённым странам Азии или Африки, приносились в течение длительного времени арабскими путешественниками, посетившими весьма многочисленные районы, и можно привести ещё много фактов такого рода.

Относительно многих изобретений, являющихся всего-навсего прикладной стороной естественных наук, можно сказать, что и они попадали в Европу через мусульманских по-

средников; достаточно вспомнить хотя бы о знаменитых водяных часах, подаренных Карлу Великому халифом Харуном эль-Рашидом.

Что же касается математических наук, то надо уделить им особенное внимание в этом отношении. В этой обширной области есть не только греческая наука, переданная на Запад через посредство исламской цивилизации, но также и индийская наука. Греки развили геометрию, и даже наука чисел была для них всегда привязана к рассмотрению соответствующих геометрических фигур. Это доминирование, придаваемое геометрии, ясно обнаруживается, например, у Платона. Тем не менее, существует и другая часть математики, принадлежащая к науке чисел, которая под греческим наименованием в европейских языках не известна, по той причине, что древние греки её не знали. Эта наука есть алгебра, первый источник которой был в Индии и арабское название которой достаточно хорошо показывает, как она была передана на Запад.

Ещё один факт, который, несмотря на его меньшее значение, будет уместно здесь привести, послужит лишним подтверждением всего вышесказанного: употребляемые европейцами цифры повсюду известны под именем арабских, на самом же деле они индийского происхождения, поскольку знаки нумерации, использовавшиеся арабами, были не чем иным, как буквами их алфавита.

Если теперь мы отвлечемся от изучения наук ради искусств, мы заметим, что в том, что касается литературы и поэзии, многие идеи, исходящие от мусульманских писателей и поэтов, были использованы в европейской литературе, и что некоторые западные писатели дошли до простого подражания их работам. Можно также открыть следы исламского влияния в архитектуре и совсем особым образом в средние века; так, стрельчатый или готический свод, характер которого в этом пункте подтверждается тем, что он дал своё имя архитектурному стилю, несомненно, имеет своё происхождение в исламской архитектуре, хотя было

изобретено много фантастических теорий, чтобы скрыть эту истину. Эти теории противоречат наличию традиции у самих строителей, постоянно подтверждающих передачу их познаний с Ближнего Востока.

Эти знания, носившие тайный характер, облекали их искусство символическим смыслом; они были тесно связаны с наукой чисел и неизменно возводились к тем зодчим, которые строили Храм царя Соломона.

Каково бы, впрочем, ни было происхождение этих знаний, они не могли попасть в Европу иначе, чем через посредство мусульманского мира. По этому поводу уместно заметить, что члены зодческих корпораций, придерживавшихся специальных обрядов, ощущали и именовали себя «чужаками» [*étrangers*], даже находясь в своей родной стране, и это само их название сохранилось до наших дней, хотя происхождение его покрыто мраком и понятно лишь узкому кругу людей.

В этой краткой статье надо ещё специально упомянуть о другой области, о философии, где исламское влияние в средние века достигло столь большого значения, силу которого не может отрицать никто из самых свирепых противников Востока. Поистине можно сказать, что Европа в это время не располагала никаким иным средством, чтобы достичь знания греческой философии. Латинские переводы Платона и Аристотеля, которые использовались тогда, не были сделаны непосредственно с греческих оригиналов, а как раз с арабских предшествующих переводов, к которым были присоединены комментарии мусульманских философов того времени, таких как Аверроэс, Авиценна и др.

Философия тогда, известная под именем схоластики, заметно присутствует у мусульман, евреев и христиан. Но именно мусульманство стоит у истока двух других направлений, и, в частности, еврейской философии, расцветшей в Испании, и средством передачи для неё был арабский язык, как можно в этом убедиться в таких значительных работах, как труды Муссы ибн-Маймуна, который вдохновил

последующую еврейскую философию вплоть до философии Спинозы, где некоторые его идеи весьма различимы.

Нет необходимости продолжать перечислять факты, известные всем, кто имеет какое-то понятие об истории мысли. Чтобы закончить, предпочтительно изучить те факты, совершенно иного порядка, полностью игнорируемые большинством наших современников, которые не имеют о них ни малейшей идеи, особенно в Европе; тогда как с нашей точки зрения эти вещи представляют гораздо больший интерес, чем всевозможные внешние познания науки и философии. Мы намереваемся сказать об эзотеризме со всем тем, что с этим связано и фактически вытекает из производного отсюда познания, конституирующего науки, совершенно отличные от тех наук, которые известны современным людям.

В действительности, в Европе нашего времени нет ничего, что может напоминать эти науки, более того, Запад игнорирует любые истинные знания, такие как эзотеризм и его аналоги, тогда как в средние века все было совершенно иначе. В этой области также исламское влияние проявилось самым ясным и очевидным образом. Впрочем, весьма легко обнаружить его следы в трудах очень разных направлений, реальная цель которых была совсем иной, нежели литературная.

Некоторые из европейских исследователей, занимающиеся, в частности, изучением Данте, начинают догадываться о подлинной природе его творчества, не поднимаясь, однако, до полного его осмысления. Несколько лет тому назад испанский ориенталист Дон Мигель Азин Паласиос написал работу о мусульманском влиянии на произведение Данте и показал, что многие символы и выражения, используемые поэтом, употреблялись до него мусульманскими эзотериками, в частности Сиди Мухйиддином Ибн Араби. К несчастью, замечания этого учёного не показывают важного значения упоминаемых символов. Недавно умерший итальянский писатель, Луиджи Вали, немного глубже изучал произведение Данте и сделал вывод, что не он один использовал

символические приемы, употреблявшиеся в эзотерической персидской и арабской поэзии. В стране Данте и среди его современников, все эти поэты были членами некой тайной организации, называемой *Fedeli d'Amore*, в которой сам Данте был одним из руководителей. Но когда Луиджи Вали попытался проникнуть в смысл «тайного языка», то он также не смог постичь истинного характера этой организации или других организаций той же природы, созданных в средневековой Европе³. Истина состоит в том, что некоторые неизвестные личности стояли за этими объединениями и вдохновляли их. Они были известны под разными названиями, из которых самым важным было «братья Розы и Креста». Однако они вовсе не имели писанных правил и не создавали общества; тем более они не имели определённых собраний, и все, что о них можно сказать, это то, что они достигли определённого духовного уровня, который позволяет нам назвать их европейскими «суфиями» или, по крайней мере, *mutaşawwuf*, достигшими высокой ступени в этой иерархии. Говорят также, что эти «братья Розы и Креста» служили как бы «прикрытием» корпораций строителей, о которых мы говорили, изучавших алхимию и другие науки, тождественные тем, которые тогда находились в полном расцвете в мире ислама. На самом деле они образовывали кольцо той цепи, которая связывала Восток и Запад, и устанавливали постоянный контакт с мусульманскими суфиями, символизированный путешествиями, приписываемыми их легендарным основателям.

Но подобные факты находятся вне поля зрения теперешней исторической науки, чьи исследования ограничиваются внешней стороной вещей, тогда как именно эти факты могли бы послужить ключом к разрешению стольких загадок, остающихся до сих пор таинственными и неразрешенными.

Абд аль-Вахид Яхья

³ Рене Генон. «Эзотеризм Данте», Париж, 1950 (3-е издание), ин-октаво, 80 страниц. Издательство братьев Шакорнак.

«Блуждающие влияния»

Перевод этой главы пока не выполнен.

Оригинал доступен на сайте: https://guenon.ru/1931_EM.html